

Вся семейка должна отправиться в котел дружным строем.

— Господин Сяо.

Чэн Янь, как и прежде, не придерживалась правил: она не назвала его Вашим Высочеством и не поклонилась.

Сяо Янь выглядел донельзя уставшим, он просто стоял у искусственной горки, глядя на неё.

Возможно, из-за траура она была одета в простые и скромные одежды, а её причёску — два пучка — украшали лишь два незамысловатых жемчужных цветка. Её глаза, ясные и светлые, светились чистотой и добротой, которые казались совершенно неуместными в этом бренном мире.

— Я немного проголодался.

Чэн Янь остолбенела. Он что, пришёл просить еды?

Спохватившись, она велела слугам приготовить завтрак. Сяо Янь, не дожидаясь приглашения, вошёл в дом. Чэн Янь поспешила за ним и, подобострастно улыбаясь, протянула ему свои любимые цукаты:

— Господин Сяо, попробуйте, это очень вкусно.

Служанка принесла медный таз, чтобы он мог умыться. Вытерев руки полотенцем, он взял цукат и попробовал — вкус оказался приторно-сладким.

С трудом проглотив угощение, Сяо Янь опустился на стул и сказал:

— В ближайшие дни я буду занят на похоронах матери, большую часть времени придётся проводить во дворце. А Янь, тебе не страшно оставаться одной в поместье?

Чэн Янь покачала головой и осторожно спросила:

— А мне можно выходить наружу?

Сяо Янь посмотрел на неё и серьёзно ответил:

— Не позволю.

Чэн Янь надула губы.

Сяо Янь смягчил выражение лица:

— Как только закончу с делами, я сам возьму тебя с собой прогуляться. Идёт?

Чэн Янь кивнула.

Сяо Янь продолжил:

— Столица — это не сельская глушь. Здесь повсюду нужно быть настороже и нельзя терять бдительность. Понимаешь?

Чэн Янь покачала головой:

— Не понимаю.

Сяо Янь: «...»

Она явно специально злит его.

Вскоре с кухни доставили завтрак. Аппетит у Сяо Яня был неважный, он почти ничего не съел, а вот Чэн Янь, поддавшись соблазну, с аппетитом уплела несколько маленьких вонтонов.

Глядя на её сытый и довольный вид, Сяо Янь почувствовал, что на душе стало чуточку легче.

Ему нравилась её чистота и невинность — она была словно маленькое беззащитное существо, лишённое всякого зла. Рядом с ней он обретал покой и мог наконец-то полностью расслабиться.

Перед этим маленьким белым кроликом он никогда не выставлял напоказ свою тёмную, гнилую сущность, боясь напугать её.

Она была такой хрупкой, чистой, словно девственно белый лист бумаги. Пусть она приехала из глухой деревни, не знает правил и светских приличий, пусть даже не умеет угождать людям, но ему было приятно находиться рядом с ней. Он видел в ней последний островок чистоты в этом мире и был готов сделать всё возможное, чтобы защитить её.

Сяо Янь просидел там ещё долго, прежде чем уйти.

Во дворце требовалось его присутствие у гроба, множество дел лежало на его плечах, поэтому возвращаться в поместье он стал всё реже. Однако он всё же помнил слова Чэн Янь о том, что она любит всё золотое, поэтому служанки одна за другой приносили ей золотые украшения самых разных размеров.

Там были и полные парадные наборы, и изящные шпильки с жемчугом и перламутром — словом, всё, что было нынче в модных столичных лавках и что так нравилось девушкам, неизменно появлялось в её покоях.

Чэн Янь была человеком простым и падким на блеск; глядя на всё это изобилие золотых украшений, она с жадным блеском в глазах уселась перед бронзовым зеркалом и принималась примерять их одно за другим. В мыслях она делилась сплетнями с Системой 009: — 009, а я смогу забрать все эти украшения с собой?

Система 009 ответила: — Хозяюшка, губа у тебя не дура.

Чэн Янь цокнула языком и, с увлечением вертя в руке шпильку с цветами, с самым серьёзным видом заявила: — Ждать смерти во Ванском дворце Чу тоже неплохо: и ешь досыта, и пьёшь сладко, да ещё и за спиной кто-то стоит.

Система 009 тоже сочла, что на этот раз показатели выполнения обеспечены, и произнесла: — Хозяюшке осталось выполнить всего двадцать процентов задания — и можно будет возвращаться. Заранее желаю хозяйюшке полной и лёгкой удачи.

Чэн Янь отозвалась: — Твои бы слова да мне впрок! — И тут же добавила: — Вернусь — обязательно объежусь горячим горшочком, чтобы душу отвезти.

При мысли о ярких огнях и шумной жизни реального мира уголки её губ взметнулись вверх, и настроение заметно улучшилось.

Сейчас, в связи с кончиной императрицы, по всей стране был объявлен траур, и в столице запрещались любые развлечения.

Семьей Шэнь — простой дочерью презренного торговца — посмертно даровали титул императрицы, что сделало её главной темой для столичных пересугов. Об этом шумливо спорил не только простой народ, но и дворцовая прислуга, шушукавшаяся по углам.

Во время несения траура у гроба Сяо Янь неизбежно приходилось общаться с наложницей Вэнь и её сыном.

Самой наложнице Вэнь перевалило уже за сорок, но выглядела она превосходно: на круглом, словно серебряное блюдо, лице выделялись выразительные миндалевидные глаза, а безупречно белая кожа была лишена морщин — казалось, само время позабыло о ней.

Стоило вспомнить, что в юности она слыла первой красавицей столицы, происходила из знатного рода министра финансов и даже была помолвлена с самим Сыном Неба Сяо Ганьанем.

С таким блестящим происхождением и знатным родом её манеры и воспитание, разумеется, стояли намного выше, чем у происходившей из купеческого сословия Шэнь.

Вот только удача отвернулась от неё: имея столь прекрасную партию в мужья, из-за смуты в клане Сяо она уступила место Шэнь, которая легко заполучила статус законной жены, сама же Вэнь была обречена довольствоваться долей наложницы.

Гордая и своенравная наложница Вэнь, разумеется, не желала с этим мириться. Теперь, когда Шэнь скончалась, место императрицы освободилось, а государь благоволил собственному сыну, со временем обязательно представится возможность взойти наверх.

Наложница Вэнь стояла на коленях в погребальном зале, воплощая собой хрупкую, надрывную скорбь — вид ее вызывал жалость.

Сяо Кэ боялся, что она не выдержит, и, не договорив, произвел:

— Если матушка устала, ступайте отдохните немного, мы с второглазым здесь подежурим.

Наложница Вэнь промокнула уголки глаз, украдкой бросила взгляд на стоявшего впереди на коленях Сяо Яня и промолвила:

— Завтра сестра отправится в горы, я виновата перед ней, хочу побыть рядом как можно дольше.

Сяо Кэ больше ничего не сказал.

Сидевший рядом на коленях Сяо Янь выпрямился во весь рост, безмолвный и неподвижный, с совершенно пустым лицом — точно деревянный идол, погруженный в собственные мысли.

Вскоре пожаловал государь, чтобы возокурить благовония. Заметив бледное и утомленное лицо наложницы Вэнь, он велел ей отправляться в покои на отдых.

Наложница Вэнь опасливо покосилась на Сяо Яня, и этот ее предельно осторожный вид пробудил в Сяо Ганьяне отцовский инстинкт защитника. Обратившись к ней, он произвел:

— Илань, ступай пока отдохни, впереди бессонная ночь, ни в коем случае нельзя подрывать здоровье.

Наложница Вэнь замялась, собираясь что-то сказать.

Сяо Ганьянь отдал распоряжение:

— Первоглазый, проводи матушку отдохнуть.

Сяо Кэ поднялся на ноги и помог наложнице Вэнь удалиться.

Сяо Янь бросил на них взгляд исподлобья. Глядя на это семейство из трех человек — супружеская любовь, отеческая забота и сыновняя почтительность, — он подумал, что такое семейство должно быть в сборе до конца.

Всех в котел.

Рука Сяо Ганьяня внезапно опустилась ему на плечо, и прозвучали многозначительные слова:

— Твоя матушка завтра отправляется в горы. Многое пора отпустить — чему суждено остаться в прошлом, то пусть там и остается.

Сяо Янь медленно поднял голову, глядя на этого облеченного властью мужчину, и чеканя каждое слово, спросил:

— Сын еще не прошел обряд гэньгуань, а матушки уже не стало. Будет ли отец любить меня

так же нежно, как она?

Взгляд Сяо Ганьяня скользнул по его лицу — прекрасному и утонченному, с отстраненным и холодным благородством во всем облике, напоминавшему одинокого осиротевшего волчонка.

Он прекрасно унаследовал внешность Шэнь: в чертах лица проступала сдержанная, чистая изысканность, и по сравнению со старшим сыном, Сяо Кэ, в нем совершенно не чувствовалось ни царственного величия, ни власти.

Все-таки сказывалось происхождение от торговцев.

Глядя на это лицо, в жилах которого текла кровь клана Шэнь, Сяо Ганьянь сузил зрачки, словно вновь увидев ту печать, которую оставил в его жизни Шэнь Чжо.

Его тесть, тот самый торговец лошадьми, был одновременно тем, кто возвысил его, и тем, кто вызывал у него жгучую ненависть своим стремлением всем управлять.

Два противоречивых чувства одновременно захлестнули его при виде этого законного сына, порождая необъяснимый страх и отвращение. Стоило взглянуть на юношу, как в памяти невольно всплывал его дед по материнской линии Шэнь Чжо — этот амбициозный, расчетливый и алчный презренный купец.

Именно так, презренный купец.

В его глазах все члены клана Шэнь были низкими людьми, и этот законный сын казался столь же ничтожным и неспособным выйти в свет.

С большим трудом пробиваясь сквозь годы на протяжении более чем двадцати лет, он наконец стряхнул с себя опеку Шэнь Чжо и теперь не желал даже мысленно возвращаться к тем унижительным временам во Фаньчэне.

Он жаждал лишь одного — окончательно порвать с кланом Шэнь, словно они были позорным клеймом на его теле. Лишь полное избавление от этого груза могло позволить ему распрямить плечи и стать истинным владыкой империи.

Отец и сын молча смотрели друг на друга. Прошло немало времени, прежде чем Сяо Ганьянь выдавил фальшивую ласку:

— Даже свирепый тигр не пожирает собственных детенышей. Ты моя плоть и кровь; какими бы ни были твои ошибки, в сердце отца ты всегда останешься родным человеком.

Эти слова будто бы убаюкали Сяо Яня и порадовали его. На его устах появилась медленная улыбка, но чистая прозрачность во взгляде заставила Сяо Ганьяня невольно отвести глаза:

— Все, что говорит отец, сын принимает на веру.

Сяо Ганьянь смотрел на него сверху вниз. Парню шел всего лишь восемнадцатый год, совершеннолетие еще не наступило.

Это был его законный сын, наследник императорского престола в будущем, вот только отдавать трон в руки клана Шэнь он вовсе не собирался.

Не заслужили.

Теплая рука легко похлопала Сяо Яня по щеке, и Сяо Ганьянь, не сказав больше ни слова, покинул погребальный зал.

Сяо Янь остался стоять на коленях, провожая взглядом его удаляющуюся спину. Он уже отчетливо понимал, что ему не суждено дожить до церемонии совершеннолетия и двадцатилетия.

Раз уж его почтенный отец способен спокойно смотреть на то, как наложница уничтожает законного сына, то почему бы не повторить это снова?

При этой мысли взгляд Сяо Яня невольно опустился на масляную лампаду у подножия гроба, и он принялся тереть рукавом щеку в том самом месте, где ее касалась рука Сяо Ганьяня.

Снова и отново.

Он тер до тех пор, пока кожа на щеке не покраснела, не опухла и не содралась до кровяных подтеков, и лишь тогда остановился.

<http://bllate.org/book/24439/2863307>